

minibo**OK**

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

**ХЕРБЕРТ УЭСТ,
ОЖИВЛЯЮЩИЙ
МЕРТВЫХ**

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Л13

Оформление А. Старикова

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Херберт Уэст, оживляющий мертвых / Говард Лавкрафт ; [пер. с англ. Н. Г. Кротовской, Л. И. Володарской]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-89939-5

Американский писатель Говард Филлипс Лавкрафт при жизни не опубликовал ни одной книги, печатаясь только в журналах. Признание пришло к нему спустя десятилетия после смерти. Лавкрафта называют основателем литературы «сверхъестественного ужаса», «литературным Коперником» и «Эдгаром По XX века». Фигура писателя окружена покровом домыслов, мифов и загадок.

«Страх — самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх — страх неведомого».

Г. Лавкрафт

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

- © Володарская Л., перевод на русский язык, наследники, 2016
- © Кротовская Н., перевод на русский язык, 2016
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89939-5

ДАНВИЧСКИЙ КОШМАР

Горгоны, Гидры и Химеры — страшные рассказы о Келено и Гарпиях — могут вновь возникать в суеверных умах, но они были там и раньше. Они — копии, типы, а архетипы заключены в нас самих и испокон веку. Почему бы иначе то, что нам известно как ложное, волнует нас? Неужели это естественно, что мы ужасаемся ему, считая, будто в его силах причинить нам зло? Его жизнь исчисляется не телесным бытием... оно было и без телесной оболочки и было таким же... Страх, который мы испытываем, чисто душевный страх — и он тем сильнее, чем беспредметнее, и более всего мучает нас в безгрешные детские годы, — и в этом трудность, преодоление которой могло бы помочь заглянуть в доземную жизнь или, по крайней мере, на темную сторону дожизни.

Чарльз Лэм.

«Ведьмы и другие ночные страхи»

I

Если путешественник, оказавшись в северной части центрального Массачусетса, выберет неправильный путь на развилке дорог сразу за Страной Священника, где соединяются Вилы Эйлсбери, то он попадет в прелюбопытную пустошь. Отсюда ему придется все время идти вверх, и поросшие эрикой камни будут сужать и без того неширокую петляющую дорогу. Деревья довольно часто встречающихся рощ покажутся ему слишком большими, да и буйство привольно растущих трав и кустов здесь какое нечасто встретишь в других местах. В то же время поля редкие и жалкие, и дома, расположенные довольно далеко друг от друга, все как

один несут на себе печать старости, нищеты и разрушения. Сам не зная почему, путешественник поостережется спрашивать дорогу у угрюмых жителей, изредка провожающих его взглядами то с покосившегося крыльца, то с горного луга. Эти люди даже с виду так замкнуты и несговорчивы, что волей-неволей приходят на ум мысли о неких запретных вещах, от которых лучше держаться подальше. По мере того как дорога поднимается выше и внизу остаются густые леса, ощущение беспокойства нарастает. Слишком тут круглые и симметричные вершины, чтобы чувствовать себя легко и спокойно, тем более время от времени на фоне чистого неба ясно видны высокие каменные колонны, как бы завершающие гору.

Дорогу то и дело пересекают лощины и овраги неведомой глубины, и деревянные мосты не производят впечатления надежности. Когда же дорога начинает спускаться вниз, то зрелище болот не доставляет путешественнику удовольствия, а вечером может даже напугать, когда вдруг закричат скрытые от глаз козодои и видимо-невидимо светляков пускаются в пляс под хриплые и неотвязные ритмы лягушачьих песен.

Когда видишь горы вблизи, то леса на их крутых склонах пугают больше, чем увенчанные колоннами каменные вершины. Они такие темные и непроглядные, что не хочется приближаться к ним, но другой дороги нет. С крытого моста видна деревушка, притулившаяся между рекой и вертикальной стеной Круглой горы, прогнившие крыши которой куда как старше всех остальных в округе. Если подойти поближе, то зрелище брошенных и разрушающихся домов, а также полуразвалившейся церкви на месте когда-то процветавшего поселения действует угнетающе. Ступать на мост страшно, но и другого пути нет. К тому же от деревенской улицы, то ли на самом деле, то ли так кажется, поднимается слабый и удушливый запах, словно именно так должны пахнуть плесень и гниль веков. Эти места всегда покидаешь с радостью, а там узкая дорога идет вокруг гор через равнину и вновь выходит к Вилам Эйлсбери. Через какое-то

время путешественник, возможно, узнает, что он побывал в Данвиче.

Чужаки редко сюда заглядывают, а после одного кошмара с дорог убрали все указатели. Если мерить обычными эстетическими мерками, то места здесь на редкость красивые, однако нашествия художников и туристов не наблюдается. Два столетия назад, когда никто не смеялся над разговорами о ведьминской крови, о поклонении Сатане и о странных обитателях леса, в обычае было как-то объяснять свое нежелание ехать туда. В наш разумный век, поскольку данвичское чудовище 1928 года постарались замолчать те, кому было дорого процветание города, люди объезжают его стороной, сами не зная почему. Вероятно, одна из причин, хотя это не относится к неинформированной части туристов, заключается в отталкивающей деградациии местного населения, которое почти без сопротивления поддалось, увы, обычному для задворков Новой Англии явлению. Оно как будто сформировалось в особую расу с вполне определенными умственными и физическими показателями вырождения в результате браков между близкими родственниками. Средний уровень интеллекта тут чрезвычайно низок, но в летописях дым стоит коромыслом от ничем не прикрытых пороков, слегка завуалированных убийств, инцеста и прочих деяний немыслимой жестокости и извращенности. Здешняя аристократия, состоящая из потомков двух или трех привилегированных семейств, которые явились сюда из Салема в 1692 году, держится чуть выше общего уровня, хотя многие ее ветви уже настолько растворились в своем окружении, что только имена еще напоминают о предках, которых они позорят. Некоторые из Уэйтли и Бишопов до сих пор посылают своих сыновей в Гарвард и Мискатоник, после чего те редко возвращаются под гниющий родительский кров.

Никто, даже знающие о данвичском кошмаре, не скажет вам в точности, что происходит в Данвиче, хотя старинные легенды рассказывают о не освященных Церковью обычаях и тайных собраниях индейцев, во время которых они вызывали запретных духов тьмы из боль-

ших круглых гор и устраивали оргиастические моления, на которые те отвечали из-под земли страшным грохотом. В 1747 году преподобный Абийах Хоадли, явившись в конгрегационную церковь в Данвиче, произнес знаменитую проповедь о близости Сатаны и его бесов, в которой сказал:

— Следует признать, что богохульство адских демонов слишком хорошо всем известно, чтобы его отрицать, ибо проклятые Голоса Азазела и Вузразла, Вельзевула и Велуала слышали из-под земли десятки заслуживающих доверия Свидетелей. Я сам не более двух недель назад слышал Речи злых Сил за моим Домом на Горе, сопровождавшиеся такими Треском, Грохотом, Стонами, Визгом и Шипением, какие не под силу издать Земным Творениям. Они пришли из Пещер, отыскать которые можно только с помощью черной Магии, а отпереть — во власти одного лишь дьявола.

Мистер Хоадли вскоре после этой проповеди исчез, однако ее текст, отпечатанный в Спрингфилде, существует и поныне. О шуме в горах не переставали говорить из года в год, и до сих пор он вызывает удивление у геологов и физиографов.

Еще рассказывают о мерзкой вони возле каменных колонн на вершинах и о том, что в определенные часы и с определенного места на дне пропасти можно услышать, как поднимаются вверх бестелесные существа. А некоторые до сих пор не оставляют попыток объяснить происхождение Дьявольского Хмельника — открытого и продуваемого ветрами склона, на котором не растет ни дерева, ни кустика, ни травинки. К тому же местные жители до смерти боятся бесчисленных козодоев, которые в теплые ночи не дают спать своими криками. Говорят, эти птицы, как психопомпы, лежат и ждут души умерших, и их жуткие крики усиливаются и затихают в такт прерывистому дыханию страдальца. Если им удастся поймать едва отлетевшую душу, то они устремляются прочь, заходясь в дьявольском хохоте, а если не удастся, они разочарованно смолкают, хотя и не сразу.

Эти сказки, конечно же, наивны и смешны, ибо дошли до нас из далекой древности. В самом деле, Данвич немислимо стар, он гораздо старше любого из поселений на тридцать миль кругом. В южной его части еще сохранились стены в подвале и труба на крыше дома Бишопов, построенного до 1700 года, тогда как развалины мельницы на водопаде, построенной в 1806 году, представляют собой образец самой поздней архитектуры. Промышленность здесь не привилась, и фабричное движение девятнадцатого столетия оказалось скоротечным. Древнее всего здесь круглые кольца каменных колонн, воздвигнутых на вершинах, но обыкновенно их относят ко времени, когда тут жили индейцы, то есть до прихода белых поселенцев. Огромное количество черепов и вообще костей, найденных внутри их и вокруг довольно просторной и похожей на стол вершины Сторожевой горы, укрепило всеобщую уверенность в том, что здесь в прежние времена были кладбища покамтуков, хотя многие этнографы, утверждая абсурдность этой теории, настаивают на том, что в этих местах находятся останки кавказцев.

II

В Данвиче, в большом и лишь частично жилом доме, расположившемся на отшибе, милях в четырех от поселка и полутора милях от ближайшего жилья, в воскресенье второго февраля 1913 года в пять часов утра родился Уилбер Уэйтли. День запомнили потому, что он пришелся на Сретенье, которое жители Данвича верно блюдут, но под другим именем, а еще потому, что в горах очень шумело и собаки накануне пролаяли до самого утра без перерыва. Менее достойно упоминания то, что мать новорожденного, принадлежавшая к вырождающейся ветви Уэйтли, была кособокой и некрасивой альбиноской лет тридцати пяти и жила вдвоем со старым полусумасшедшим отцом, о колдовском искусстве которого со страхом шептались в Данвиче. У Лавинии

Уэйтли не было законного мужа, однако она, вопреки здешнему обычаю, и не подумала отказаться от младенца, предоставив людям болтать, сколько им вздумается, что они и делали, о его отце. Более того, она как будто даже гордилась своим смуглым и козлоподобным сыном, который не перенял от нее болезненный красноглазый альбинизм, и, никого не стесняясь, пророчила ему великую силу и необыкновенное будущее.

Лавиния могла себе это позволить, потому что единственная во всем Данвиче бродила в грозу по горам и пыталась читать огромные, странно пахнущие книги, которые двести лет собирали ее предки и которые были все в дырках от червей и рассыпались, стоило взять их в руки. Она ни одного дня не училась в школе, но была напичкана древними сказаниями, которые ей рассказывал старик Уэйтли. Люди боялись их одинокого дома, потому что думали, будто Уэйтли занимается черной магией, и внезапная насильственная смерть миссис Уэйтли, когда Лавинии исполнилось всего двенадцать лет, только ухудшила положение. Предоставленная самой себе в отцовском доме, Лавиния целыми днями предавалась неумным фантазиям или придумывала себе разные занятия, так как заботы о домашнем хозяйстве, в котором не наблюдалось ни чистоты, ни порядка, отнимали у нее немного времени.

В ту ночь, когда родился Уилбер, страшные крики заглушали привычный шум в горах и лай псов, но ни доктор, ни акушерка, насколько известно, не присутствовали при его появлении на свет. Лишь через неделю соседи узнали о младенце, когда старик Уэйтли приехал в Данвич и, не вдаваясь в подробности, поделился новостью с несколькими бездельниками в лавке Осборна. В нем как будто что-то изменилось, словно в его затуманенном сознании появилась тайна, превратившая его из объекта страха в субъект страха, хотя он был не из тех, кого выбивают из седла семейные обстоятельства. При этом он выказывал гордость, замеченную потом в его дочери, а то, что он сказал об отце своего внука, многие крепко запомнили и вспоминали много лет спустя.